

Крепкий табурет под орчуком скрипнул, но с его тяжелой тушей справился. Вздыхнул Мих, отер пот, по шее скатывающийся, – так часто бывает, когда с улицы раскаленной в погреб земляной заходишь или ледник, – и стал за хозяином следить. Витольд Львович снова марлю к лицу поднес, но вопреки духу (хотя вовсе и не смердит покойник, вполне ничего) близко подошел.

Элариэль лежал перед ним. Самый обычный эльфиец: руки рыхлы, ноги худы, живот по бокам растекся. Только кожа странно потемнела, но доктор (к слову, тот же, что и в прошлый раз) сказал, оттого, дескать, что кровь свернулась. Нос и вправду, как оговорено было, на бок скошен заметно так, про глаз теперь не разобрать, оба закрыты. Сбоку, у сердца, прореха с застывшей темной юшкой. Но не аккуратная, как у Логофета была, а небрежная, развороченная.

– Удар нанесен сбоку, меж ребер, – точно услышал мысли Муха покойный доктор. – Могу предположить, что эльфиец спал...

Ну еще бы, хмыкнул про себя орчук, конечно почивал, ведь в комнате съемной его и нашли.

–... но услышал преступника. Даже попытался сопротивляться, – зачем-то поднял он одну из рук мертвеца.

– Обломаны ногти, – констатировал Меркулов, поэтому заинтересованному орчуку даже не пришлось привставать, дабы рассмотреть что там да как, – он что-то держал?

– Нож.

– А в кулаке другом что зажато?

– Не знаю, Ваше благородие. Не смог раскрыть.

– Мух, – позвал Меркулов.

Скрипнул табурет, и орчук оказался на ногах. Вот неймется им, только хорошо пристроился. Подошел, позыркал, языком даже поцокал, взял холодный кулак в руки.

– Только аккуратнее, не сломайте, – взмолился врач.

Справился орчук, не без труда, но разжал. Сцепил кулак покойный крепко, будто там бриллиант какой был, а оказалось, тлю – тряпица. Даже вздохнул от разочарования. А вот Витольд Львович оживился, даже бинт смоченный от лица оторвал. Ветошь темную взял аккуратно, пощупал, понюхал и улыбнулся, как умалишенный. Потом переменялся, разговаривать стал сам с собой.

– Итак... я лежу, с левой стороны нож, – он сжал руку, – слышу, как кто-то залезает в комнату. Успеваю схватить незнакомца и ударить ножом, – короткий взмах, от которого даже доктор вздрогнул, – но не попадаю по нему, лишь удаётся полоснуть по краю плаща. Разрезаю его, небольшой клочок остается в руке и в следующую секунду меня убивают.

– Господь с вами, нельзя такое говорить, накличете, – забормотал Мух.

Витольд Львович на это лишь рукой махнул, дескать, прекрати, и стал клочок плаща исследовать. Щупает его, щупает, того и гляди дырку протрет. Потом к доктору мертвецкому подошел, руку пожал.

- Спасибо Альберт Карлович, мы пойдем.

Мих только удивился, когда только успел познакомиться? Вроде все время подле господина был, а имени доктора не запомнил. Но подумать не смог, в Меркулова точно дьявол вселился, ни минуты не может спокойно усидеть. Вот и сейчас, только был, а уже нет его, наружу выскочил. Неужто там интересное что? Тут и прохладнее, и не в пример тише. Нет, тянет его на пыльную улицу с раскаленным камнем. И не спросит, чего ж, ты Мих, мил человек, ходишь так медленно, вроде не торопишься, не жмут ли тебе новые сапоги? А ведь видит Господь, какие мучения орчук испытывал, каждый шаг с трудом давался, какая тут беготня?

Все ж пришлось подыматься вслед за господином. Служба есть служба, как бы тяжело она не давалась. Сразу дыхнул жаром и пылью разгоряченный проспект, закричали десятками голосов его обитатели, ударил в нос запах конского навоза и пота. А посреди всего этого «благолепия» стоит, скрестив руки на груди, Витольд Львович, смотрит вниз и улыбается. Глядит он на тот самый клочок, что Мих из цепких покойнических культипок вытащил.

- Зачем же вы его уронили, господин, это же, как его... слово такое интересное.

- Улика, - подсказал Меркулов, - и вовсе я его не уронил, а специально положил. Провожу следственный эксперимент.

Первое слово орчук понял - то, что к следствию относится. А вот на второе, с заумью которое, подивился. Даже в книжках отцовских такое не встречал, а у него они разностные были: и Псалтырь, и Библия, и Жития. Были и интереснее, к слову, тот же Загоскин, из наших, славийских. Романы у него исторические отец читал, а вместе с тем и Мих. Или другой поэт, фамилию орчук запомнил, какой-то Ушкин, внук арапа, с катаяской кровью. Тоже весьма презабавно писал. Но никто из них никаких «экспериментов» не упоминал. А спрашивать вроде как неловко.

- И долго этот эксперимент... проистекать будет?

- Примерно минуту, - зачем-то задрал голову Меркулов, смотря вверх. Улыбнулся, хлопнул орчука по плечу, - солнце сегодня шпарит, а?

- Шпарит, - согласился Мих, - сладу с ним нет. Хоть бы туча какая набежала.

- Это как раз то, что нам нужно, - он подождал еще минуту и поднял клочок. - Потрогай, липнет к рукам?

- Нет, только раскалился, незнамо как. А должен липнуть?

- Плащи подобного покроя обычно делаются из натурального каучука. Распространены там же, где и придуманы, в Великогблинарии. Очень хорошо приспособлены для дождливой погоды. Однако есть одно но...

- Какое?

- В условиях Славии эти плащи оказались бесполезны. В жару они становились липкими, а в холод ломкими. Пока один замечательный ученый, дай Бог памяти, Гудьир, кажется...

- Гоблинарец? - Догадался орчук по диковинной фамилии.

- Наполовину человек, хотя да, живет там. Так вот, он экспериментировал, соединяя каучук с

серой на открытом пламени, и заметил, что каучук не плавится, как обычно. Смекаешь?

- Серу обычно дьявольские отродья используют, – буркнул полукровка.

- Да ну тебя, Мих. В общем, этот процесс называли вулканизацией, в честь древнего эльфариийского бога. Самое же важное другое – магазинов подобных новых плащей из вулканизированного каучука совсем немного. Например, в Моршане всего один.

- Откуда вы все знаете, господин?

Вместо ответа Меркулов махнул рукой горланящему не遠далеке перемазанному мальчугану с огромной стопкой под рукой. Тот подбежал, еле вытащил свернутую газету и, сунув мелкую деньгу в карман, вернулся на свое место. Витольд Львович открыл ее не как обычно, а с последней страницы, побегал глазами, и, найдя необходимое, стал читать.

- Партнерство «Гудьир и сыновья». Плащи из вулканизированного каучука модели «Макинтош». Высокая прочность, удивительная эластичность, хорошая защита от дождя. Истринская 43, рядом с бакалейной лавкой.

- Высокая прочность, – хмыкнул орчук, – а эльфиец у него кусок оттяпал.

- Ну не против же оружия. Еще неизвестно, каков там нож был, тоже надо будет посмотреть.

- А откуда вы знали, что в этой газете весть о них будет?

- Внимательнее надо быть, Мих. Ты вот за мной газеты читаешь?

- Читаю, – напрягся полукровка, чувствуя, что его согласие в данном вопросе не приведет ни к чему замечательному.

- А меж тем «Гудьир и сыновья» уже с месяц в каждом номере объявление дают. Называется рекламная кампания.

Мих сурово насупился, но чего тут ответишь? Прав Витольд Львович. Сам орчук постоянно читал только любопытное, что по нраву ему. А Меркулов вон, не для собственного удовольствия каждое утро вдоль строк рыщет, все запоминает, светлая голова.

- Тогда прямо сейчас мы отправимся на Истринскую. Благо, в центре.

Хозяин взмахнул рукой, но вопреки ожиданиям к ним подкатил одноместный кабриолет с закрытой крышей. Орчук не знал, какой надо обладать задницей, чтобы поместиться на таких крохотных козлах, но у возницы, вроде, получалось. Кстати, о последнем. Слишком уж хорошо одет для наемного ваньки, да и лошадь у него добрая, с толстыми бокам, вся лоснится. Тем паче, на подобном экипаже много не заработаешь, сейчас все больше компаниями ездят, а не в одиночку.

Все-таки служба в ведомстве оставила свой след на рассуждениях. Прав оказался Мих, видит Господь, прав. Высунулась сначала румяная и знакомая физиономия полицмейстера, а следом заторопился появиться и он сам.

- Витольд Львович, хорошо, что застал, – блеснули на солнце очки Петра Андреевича, – боялся опоздаю. В учреждении поговорить с вами не удалось, а очень хотелось. Сами понимаете.

- Конечно, Ваше высокородие, что вам угодно? – спросил Меркулов, а правую руку, с клочком

плаща, тихонько так в карман засунул.

– Давайте не на бегу, не люблю так, вон ресторация, можем посидеть, спокойно все обсудить, – кивнул он на злосчастный «Серебряный якорь».

– Видите ли, Ваше высокородие...

– Я плачу, – круглолицый полицеймейстер проявил неожиданную твердость, – и не спорьте, не спорьте. Пойдемте. Арсенька, экипаж на другую сторону поставь. Михайло, вы не отставайте.

Последней фразой Петр Андреевич неожиданно вырос в глазах орчука так сильно, что встал в один ряд с немногословным Константином Никифоровичем. Все же их, полукровок, да еще и с ордынской кровью тут мало кто жаловал. Более того, Его высокородие предложил отобедать (на Меркулова в этом отношении надежды совсем никакой, готов с пустым брюхом весь день скакать), и пусть к заведению этому после того случая Мих симпатий не питал, однако не мог не отметить, что кормят тут отлично.

Заняли они два столика, точнее господа сели за один, а Мих придвинул к ним второй. Заметил, что намного расторопнее стали халдеи. Только им слабого вина принесли для аперитиву, тут же следом подали легкие закуски: язык говяжий, ветчину, пирожки разностные. Меж едой и разговор спокойнее пошел.

– Под Александром Александровичем кресло шатается, если вы понимаете, Витольд Львович, о чем я, – отпил вина полицеймейстер, оттопырив мизинец, – великий князь гневается, расследование все никуда не приводит. Конечно, благодаря вашей находке, мы вновь проверим Аристовых, более подробно, но думается мне, выпутаются. Не такого малого ума Павел Мстиславович, чтобы подставиться. Если так, то дело об ограблении зайдет в тупик.

– Я все спросить хотел, Ваше высокородие...

– Полно, Витольд Львович, – прервал его собеседник, – можно просто Петр Андреевич, одному делу служим, по одному ведомству проходим.

– Так вот, Петр Андреевич, я все спросить хотел, что за ограбление? Чего похитили ценного?

– Да в том вся и странность, что преступники попались хм... своеобразные. Будто шальные по музею пробежались, а ведь там богатств хватает. Взять тот же скипетр первого из рода славийских царей или тиару императрицы Елизаветы. А ведь все там же, в соседних залах. Конечно, попадалось порой что ценное, то же Перо-вольница, но в основном так, – Петр Андреевич махнул пухленькой ручкой.

– Действительно странно.

– Это лишь начало. Сразу же после описи пропавшего, пожаловал в полицеймейстерство сам великий князь и наказал найти и вернуть все в ближайшее время. Грозил, что в случае чего, передаст дело жандармерии. Хотя какой интерес у третьего отделения к ограблению? А потом этот пожар... К слову, там и оставалось всего ничего, украденное почти полностью уже перенесли к нам на склад.

– Но как я понимаю, после пожара великий князь не перестал гневаться.

– Более того, у меня сложилось впечатление, что даже найди мы виновных, это не улучшило бы общего настроения великого князя. Понимаете, к чему я веду?

- Из Императорского музея похитили нечто ценное, возможно, даже не в материальном плане
- нахмурился Витольд Львович, - а после, когда обнаружили украденные вещи, преступники имитировали пожар.

- Иными словами, замели следы, - кивнул Петр Андреевич.

- Будто бы та самая вещь была уничтожена в пожаре.

Мих, к тому моменту начавший слушать так внимательно, что позабыл о пирожках, вдруг забылся, увлекаемый запахом заливного поросенка. И смог вернуться в разговор двух господ только после того, как ему положили сие великолепие на тарелку.

- Я высказывал свои мысли Его превосходительству и коллегам, но особого успеха не имел, - грустно вздохнул Петр Андреевич, пробуя поросенка, - тем более, думается мне, не все в ведомстве заинтересованы в успехе раскрытия ограбления.

Он замолчал, немного закусив, а после, поняв, что Витольд Львович не намеревается задавать вопросов, продолжил.

- Именно, по этому поводу я и хотел с вами поговорить. Знаю, что вы много общались с Константином Никифоровичем, он любимец Его превосходительства... - полицмейстер выждал паузу, отерев уголки рта салфеткой, и вновь потерпел поражение. Спокойствию и терпению Витольда Львовича можно было позавидовать, - но вряд ли вы знаете, что он частый гость в доме Аристовых.

- Знаю, Павел Мстиславович об этом недавно обмолвился. Рассказал историю, которую ему поведал полицмейстер из Сундыри. Право, не знаю, откуда ли перевели Его высокородие, но предположил что...

- Правильно предположили, - перебил собеседник, - его Александр Александрович из Сундыри вытащил, к себе приблизил. А этот провинциал себе на уме. Раньше-то в любимцах Николай Соломонович ходил, - Миху вдруг почудилось, что Петр Андреевич слишком увлекся аперитивом, прежде, чем принесли закуски, - еще бы, дворянин древней фамилии, герой войны с ордынцами.

- И давно Константин Никифорович с Аристовыми дружит? - Прервал его Витольд Львович, пока захмелевший полицмейстер не ушел совсем далеко.

- Уж года два как.

- Вместе с тем Аристов не сказал ему о моем визите.

- Простите? - Появилась морщина на круглом лбе полицмейстера.

- Я наведалься давеча к Павлу Мстиславовичу, имел с ним интересный разговор. Рассказал о пере.

- Зачем?

- Хотел развеять подозрения. Думал, что Его превосходительство вызывает меня именно по этому поводу, ожидал неприятной беседы, но Аристов не поделился итогами нашего разговора. А это наводит на размышления.

- Что он виновен, - заключил Петр Андреевич.

Мих совсем не каждую мысль успевал ухватывать, а тут еще вкусности такие перед ним (только-только принесли знаменитый страсбургский или «нетленный» пирог, которого никогда в жизни пробовать не доводилось). Но все же начинало складываться у него ощущение, что эти двое друг друга очень хорошо разумеют, как говорят в народе, с полуслова. Один начинает, другой подхватывает. Оно и понятно. Витольд Львович умнейший человек, Петр Андреевич тоже не дурак, чурбаны даже по протекции высокой в полицмейстеры не выбиваются.

- Очень все странно, - подпер кулаком Меркулов щеку, - Павел Мстиславович выглядел слишком уверенным в своей правоте. А стушевался лишь, когда я о пере ему рассказал и продемонстрировал его.

- Действительно непонятно, - отложил вилку Его высокородие.

Миху бы тоже оторваться, господа сидят, смотрят друг на друга, точно без слов толкуют, один орчук ест. Но не мог полукровка остановиться. Чувствовал, как живот пухнет, тяжело под сердцем становится, но продолжал чудный пирог есть.

- Прошу прощения, Петр Андреевич, нам ехать надо, - поднялся на ноги Меркулов, кланяясь.

- Полноте, Витольд Львович, вы же почти ничего не ели.

- Нам пора, надо еще много чего сегодня успеть.

- Ну что ж, тогда не смею задерживать, - едва склонил голову Петр Андреевич, - в случае чего, можете быть уверены в моей поддержке.

- Шпашибо, Ваше вышокородие, - с набитым ртом проговорил Мих.

- Всего доброго, - усмехнулся полицмейстер.

Выбрался из ресторации орчук неторопливо, как инвалид с войны пришедший. Натертые ноги болят, набитый живот к земле тянет, в голове неразбериха полная. Ковыляет, сам пирог дожевывает, а Витольд Львович (магию родную применил, что ли?) брличку уже поймал и рассказывает, куда ехать надо. Пришлось поспешать.

- Мих, не толкайся.

Сели, орчук в самом благодушном настроении, Меркулов напротив, подобен грозовой туче: брови сдвинуты, губы сжаты, лоб нахмурен. И буркнул даже, вроде как, неодобрительно.

- В последнее время все ко мне в друзья набиваются.

- Разве то плохо? Добрый друг лучше ста родственников.

- Если это и вправду друзья, - ответил Витольд Львович, - пока же все больше видимость. К примеру, тот же самый Петр Андреевич.

- Согласен, хоть человек учтивый да самых расприятных манер, но промеж него у меня опасение существует, - сказал Мих медленно, еле дыша от всего съеденного.

- Аристов свои услуги предложил, великий князь товарищество практически навязал, теперь этот Петр Андреевич. Все время мне кажется, что я маленькая муха, находящаяся в большой

паутине. И идет игра на жизнь, а я единственный, кто правил ее не знает.

– А что вы, господин, про Аристова говорили. Будто проверить его хотели?

– Я подозревал, что у Аристова существует определенная сила в нашем ведомстве, а он нечаянно проговорился о Константине Никифоровиче, сам того не подозревая. Вот и сделал ход. По моему разумению, он должен был рассказать все своему другу, а уже полицмейстер поведать все Его превосходительству. Так бы я выяснил про связь Павла Мстиславовича и Константина Никифоровича.

– Как мудрено, черт ногу сломит в ваших думах, – восхитился Мих, хотя по причине забитости живота сделал это не вполне чувствительно.

– Но вышло все совсем по-другому. Аристов не сказал.

– Значит, не друзья они вовсе.

– Или дальше надобно смотреть. Не сказал, потому что чувствует за собой прегрешение. Перо – доказательство вины его лично или семьи, не важно. Но оно сработало. Он испугался.

– Глупо. Вы же все равно сказали бы Его превосходительству.

– Аристов это понимал. Единственное, что он мог выиграть, это время.

– Все равно глупо. Если по разумению вашему идти, то следует, – поднял палец вверх орчук, – как только такое произошло, сразу же рассказать своему другу в полицмейстерстве. Рука руку моет.

– Верно мыслишь, Мих, а вот тут начинаются предположения. Если мы все додумали правильно, то почему Аристов так не сделал?

– Потому что глупец.

– Павел Мстиславович кто угодно, но уж точно не глупец. Давай думать вместе. Он не говорит первому полицмейстеру, потому что, – тут Витольд Львович поднял указательный палец, – ни такие уж они и хорошие товарищи, как нам все говорят. Но это версия так себе. Либо, – к указательному персту присоединился средний, – дело касается семьи. Нет, не так, дело касается Дара семьи. Куда даже ближайшему другу входа нет. Ну или, – поднял Меркулов безымянный палец, – тут имеется в виду, что произошедшее не проступок, а серьезное преступление. Против царя, членов его семьи или Славии. Не зря же за делом пристально наблюдает великий князь.

– Эй, аккуратнее ты там, шельма, не поленья везешь! – Крикнул орчук извозчику после очередного крутого поворота. – Думается мне, влипли мы, господин, по самые уши.

– Я примерно такого же мнения. Но теперь ничего не попишешь, придется расхлебывать.

Остаток пути проехали молча. Витольд Львович занятый думами и встревоженный разностными загадками. Мих, обуреваемый всеми несчастиями своего грузного тела, начиная с натертых ног, заканчивая набитым животом, старался устроиться поудобнее. Он хоть и понимал всю тяжесть их всеобщего положения, в данный момент был занят более насущными проблемами.

Истринская, как и приличествует центральным улицам, встретила их чинно: редкой, но дорогой публикой, высокими чугунными фонарями, чистыми стеклами лавок, украшенных разноцветьем вывесок, и хорошо выметенной мостовой. Дорого в таких местах жить, не каждый себе может позволить. И магазинчик, даже самый крохотный, открыть тоже больших денег стоит. А такой, как у «Гудьира и сыновей» вовсе немыслимого состояния: в два этажа, стоявший отдельным зданием, с огромными прозрачными витринами, отмытыми до такого состояния, что было видно собственное отражение.

Миху даже робко стало заходить туда, благо Витольд Львович никаких сомнений не чувствовал. Он расплатился с извозчиком и лишь мельком глянул на все великолепие (хотя, как думалось орчуку, сразу подметил все детали) и направился к двери. Тренькнул колокольчик, пахнуло прохладой, и они вошли внутрь.

– Добрый день, – приветствовал их человек в дорогом костюме-тройке.

Низенький, плотный, точно из теста дрожжевого сбитый, с лысой макушкой и короткими волосами по бокам, широким носом, щеткой усов и большими губами. Позади него еще двое подчиненных. Их тщательнее разглядывать смысла не было, но самое престранное для себя Мих заметил – все люди. А уж он-то ожидал встретить гоблиарцев.

– Здравствуйте, меня зовут Витольд Львович, я исполняющий обязанности пристава следственных дел по особым поручениям сыскного управления при Моршанском обер-полицмейстерстве.

– Если вы не против... – Омрачилось приветливое лицо толстяка этой нерадостной новостью.

– Конечно, – достал Витольд Львович гербовую бумагу и отдал на минутное изучение.

– Прижницкий Карл Дмитриевич, управляющий магазина, – поклонился толстяк. – Чем обязан? Неужто кто из моих оболтусов...

– Ну что вы, что вы, – поспешил успокоить его Меркулов, – мы хотим лишь поговорить. Посмотрите, – он вытащил клочок плаща, – может, существует какой-нибудь способ опознать плащ по его остаткам?

– Позвольте, – протянул ручку Карл Дмитриевич, – мы, конечно, не всеильны, но кое-что рассказать могу. Плащ «макинтош», с острова, старой модели. Ему не меньше года-двух.

– Жаль, я думал, что, может, его приобрели в этом магазине и вы могли бы мне рассказать кое-что о покупателе.

– Нет, смотрите вот на эти бороздки, здесь и здесь, – показал он что-то Меркулову, – так уже не делают. Старая модель. Нашему магазину всего несколько месяцев и производство у нас по новой технологии, сами понимаете.

– Тогда надежда только на то, что он придет чинить плащ к вам, – сделался Витольд Львович мрачнее тучи.

– Сделаем все в лучшем виде, – заверил его Карл Дмитриевич, – возьмем плащ к себе и сразу вам сообщим. А вы уж, когда злоумышленник забирать придет, тут как тут. Мы честные люди, Ваше благородие, имперцы, за Славию.

– Что ж вы тогда на гоблиарцев работаете?

- А жить как-то надо. Мы же не против своего государства. Напротив, хорошим и качественным товаром своих же соотечественников снабжаем. Конечно, дворян в основном и богатых особ. Они нашу продукцию для охоты и прочего развлечения берут.

- Почему у вас тут одни люди работают, ни одного гоблинца? - Встрял Мих.

- Менталитет, - поднял палец вверх управляющий. - У нашего брата товар берут с большой охотой, нежели чем у гоблинарцев. Хотя есть у нас... - глаза Карла Дмитриевича вдруг приобрели испуганно-удивленное выражение, он хлопнул себя по лбу и тихо забормотал. - Да что же это я, голова дырявая. Чуть не отпустил вас, а самое важное не сообщил, - он повернулся к одному из помощников, - Игорь, за Яриком сбегай. Пусть сюда сию же минуту поднимается, - и тут же принялся объяснять Витольду Львовичу, - Исключительной полезности человек, - при последнем слове он смутился, но ненадолго, - почти человек.

- Почти? - Изогнул бровь Витольд Львович.

- Полукровка он, из гоблинарцев. По отцу, знамо дело. Прельстил коварный черт служанку одну тут, и ищи ветра в поле. Она родила, Ярославом нарекла. Потом у нас с женой прислуживать стала. Баба хорошая, хоть и глупая, какая еще на ласки гоблинарца согласится? Ну теперь делать нечего, ребенок какой есть, а ее. Да и парень неплохой, рукастый, все может, умеет. Может, и вправду у них это как передается по крови. Взял его к себе, чинит, латает, вот эту вот оказию, - показал он на клочок плаща, - в миг бы починил, даже не заметит сторонний человек потом, что порвано было. Ко всему прочему глазастый...

Послышался звук шагов, и в магазин с заднего входа вошли двое - давешний прислужник и полукровка. Редко, но видел Мих полулюдей-полугоблинцев, и этот почти ничем от них не отличался. Уши вытянуты, но не вверх, как у эльфийцев, а вбок и более широки, нос крючком, хотя не такой длинный, как у сородичей, цвет кожи бледно-зеленый, будто хворь одолела, и пальцы морщинисты. Но в целом, лицом больше в мать похож - глаза лучистые, человеческие, разве что немного испуганные.

- Ярослав, тут Его благородие из обер-полицмейстерства по одному делу к нам зашел. И, возможно, будет ему интересно послушать о том человеке, которого ты видел у Мглинского вокзала.

Полукровка глубоко вздохнул, поди уж накрутил себе всякого ужаса, пока шел сюда, но и теперь страх не сразу его отпустил. Начал, чуть запинаясь.

- А я ничего не делал. Домой просто шел. Я всегда домой хожу. В смысле, дорогой той...

- Не волнуйся, - улыбнулся Витольд Львович, - какой дорогой?

- По Краснокаменке. Мимо Мглинского вокзала. Ну знаете, это не сам вокзал, не заходя, но его видно.

- Знаю, - кивнул Меркулов.

- Ну вот, - ободрился полукровка заверением титулярного советника. - Шел домой, а впереди он. Вот так...

- Кто он?

- Человек в плаще, - вмешался управляющий.

- Не человек он вовсе, Карл Дмитриевич.

- Так, всем молчать! - Выставил руки перед собой Меркулов. - Никому не перебивать, а ты рассказывай, все подробно. Почему не человек?

- Сам он небольшой, с меня. Хотя для гоблинарцев рост редкий, они ниже. И походка у него презабавная, как у кузнечика.

- Будто подпрыгивает? - Спросил Меркулов.

- Ага, - кивнул Ярик.

- А с чего решил, что гоблинарец?

- Так по плащу, Ваше благородие, - полукровка уже совсем перестал робеть и начал активно жестикулировать, помогая этим своему рассказу, - плащ у него наш. То есть, не нашего магазину, а фирмы нашей, вот. Только такие уже не делают, модель устаревшая. А подобный только в Великогоблинарии купить можно было. Потому и заинтересовался.

- Хорошо, хорошо, а может, ты видел, в какой дом этот субъект зашел?

- Так никуда не зашел. Он дальше, по Краснокаменке отправился, а я на Нижесовскую свернул.

- И давно было?

- Четвертый день пошел, Ваше благородие.

- Спасибо, Ярослав. Ты нам очень помог, - пожал десницу удивленному полукровке Витольд Львович, - и вам, Карл Дмитриевич, спасибо.

- Можете на нас положиться, - энергично затряс протянутую руку тот. - Ежели явится этот супчик, мы сразу к вам посыльного отправим. Я разглядеть не успел. Вы по фамилии, Витольд Львович, будете...

- Меркулов, - ответил титулярный советник, и все в магазине затихли, будто название рода следственного пристава обладало неведомой силой.

Мих даже спросить хотел, чего это они так удивились? Может, тоже слухи об опальном дворянине знали? Но не успел. Закричала баба с улицы так, как могут лишь голосить простые славийские бабы, раздался чудовищный грохот, послышался звук битого стекла. Орчук с Меркуловым лишь переглянулись и, не сговариваясь, выбежали наружу.

Уж сколько всего Мих перед жизнью видел и ко всему был готов (по крайней мере, ранее так ему казалось), но увидеть такое - либо горькой перебраться надо, либо с ума сойти. Однако ж глаза не врали. Пока думал, как поступить, Витольд Львович уже с места сорвался, да помчался вперед, как только он умел, а орчуку что делать? Хоть и страшно, но грех господина бросать, пришлось следом срываться.